

Валентин Беленчиков

Л. И. Толстой и А. фон Харнак : некоторые рассуждения о культурных границах между Востоком и Западом

Studia Rossica Posnaniensia 27, 33-41

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И А. ФОН ХАРНАК.
НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О КУЛЬТУРНЫХ
ГРАНИЦАХ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

L. N. TOLSTOY AND A. VON HARNACK – SOME THOUGHTS
ON THE CULTURAL BORDERLINES BETWEEN EAST AND WEST

ВАЛЕНТИН БЕЛЕНЧИКОВ

ABSTRACT. The subject is the theological discussion between L. Tolstoy and A. von Harnack which took place around the turn of the century. Tolstoy's religious-philosophical views as illustrated in his village stories are in the centre.

Valentin Belentschikov, Franz-Jacob-Str. 14, 18/6, 10369 Berlin, BRD.

Под понятием „граница” я имею в виду не международные, государственные или политические соглашения, а знаки культуры, по которым его представители разделены или объединены в одну общность. В свою очередь, понятие „культура” я ограничиваю конкретными сферами духовной деятельности человека, прежде всего историческое прошлое и религиозное сознание.

Выдвинув вслед за немецкими мыслителями Ж. Полем, Гегелем и одновременно с Ницше формулу „Бог умер” (1880 гг.), Толстой занялся в многочисленных художественных и публицистических произведениях поисками нового Бога, дав тем самым импульс как западноевропейской (Харнак, Шелер, Копаль), так и русской мысли (В. Соловьев, А. Луначарский, М. Горький).

Как „адвокат стомиллионного народа”, он искал нового Бога для сельского русского человека, а как его „учитель” – стремился удержать в русском человеке ценности восходящие к первоисточникам грекославянской письменности на Руси и к смыслам Евангелий.

Вот как Толстой представляет различные религии:

„Поглядел кругом себя крестник и видит весь мир и все, что в миру люди делают. Посмотрел прямо – видит море, корабли плавают. Посмотрел вправо – видит чужие, нехристианские народы живут. Посмотрел в левую сторону – христианские, да не русские живут. Посмотрел в четвертую сторону – наши русские жи-

вут...”¹, – писал Л. Н. Толстой в народной легенде *Крестник*, остановившись только на русском сознании. Нетрудно определить, что точка, с которой крестник смотрел на мир, находилась на балканском полуострове, и стоял он лицом к России: вправо располагался ислам, слева – западное христианство, впереди – православие. В качестве эпиграфа к рассказу Толстой взял евангельские изречения, подкрепляющие его теорию о непротивлении злу насильем: „Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб; а Я говорю вам: не противьтесь злему... (Матв., V, 38, 40)” и „Мне отмщение и аз воздам” (Римл., XII, 19). Действие рассказа проходит там, где „наши русские живут”, но Толстой имел в виду „все зло людское” (187).

Рассказ возник после берлинского конгресса 1882 года, когда с окончанием Османского господства на Балканском полуострове обострились религиозные противоречия. Они-то и создали типичную для толстовских сюжетных построений цепь трагических событий. После берлинского конгресса Австро-Венгрия получила право де юре на занятие территории Боснии и Герцеговины и в 1908 году аннексировала ее. Оба эти события нашли отражение в творчестве Толстого², а под его влиянием – и у крупнейшего немецкого теолога рубежа веков Адольфа фон Харнака (1852-1930)³. Один из первых мыслителей нашего века, Харнак под влиянием Толстого поставил вопрос о религиозной границе между народами. Он также видел причину зла в несовершенстве человеческой природы враждебных современному человеку догматов западного и восточного христианства; оба мыслителя по-разному уделяли особое внимание не Старому, а Новому Завету.

¹ *Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть 11. Народные рассказы и статьи*, Москва 1903, с. 176. В дальнейшем ссылки на этот том даются в тексте статьи с указанием страницы.

² В легенде *Упустишь огонь – не потушишь*, в которой Толстой пересказал притчу из Евангелия от Матфея о зле непощения, Плевна упоминается как символ межчеловеческого и международного раздора („Вот наемни солдат про Плевну сказывал. Что ж, у вас теперь война хуже Плевны этой”). *Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть 11...*, с. 38. Аннексию Австрией Боснии и Герцеговины в 1908 году Толстой посвятил статью, которая сразу же была переведена на немецкий язык (*Die Annexion Bosnien und Herzegovina*, Berlin 1909).

³ А. фон Харнак родился и получил теологическое образование в городе Дорпат (Тарту). Прекрасно владел русским языком, даже в старости помнил наизусть стихи Хомякова и Лермонтова. *Деревенские рассказы и легенды Л. Н. Толстого*, как отражение христианского сознания русского народа, были положены им в основу сопоставления восточного и западного христианства, а события 1908 года дали ему импульс к написанию в 1913 году труда *Der Geist der morgenländischen Kirche im Unterschied von der abendländischen*. См.: A. von Harnack, *Kleine Schriften zur alten Kirche*, Leipzig 1980, с. 200-226.

И Толстой и Харнак понимали, что в основе противоречий лежат не только различные социумы, но более глубинные причины: почти двухтысячелетняя борьба между Востоком и Западом, между грекославянской ортодоксией, западным христианством и исламом, между культурами несовместимыми, неинтегральными, хотя ислам и христианство (иудаизм) расположены с точки зрения мирового этоса в одном поле, или, другими словами, являются религиями пророческими в противоположность религиям мистическим или поучительным⁴.

Остановлюсь, в связи с обширностью проблемы, на тех ее сторонах, где, по мнению Харнака, Толстой затронул общий нерв восточного и западного христианства: Евангелия и их отношения к вопросам аскетизма, социальных проблем и соотношения между высшими и земными законами. При этом я рассматриваю построения различных теорий в эпоху европейского реализма как принцип аналогий, в то время как способ мышления в постреализме и модернизме (Горький, Маяковский) представлял собой отказ от аналогий⁵.

Нетрудно заметить, что в толстовских рассказах присутствуют два мира: царство плоти и материи и царство морали и справедливости. Законы государства отступают на задний план (в рассказе *Упустишь огонь – не потушишь*, судья так понимает закон: „Первая статья, брат, одна: Бога помнить надо, а помириться Бог велел) (с. 36). Для русского законы государства всегда были чем-то враждебным и подозрительным, идущим в разрыве с законами божескими. Поскольку государственный закон не имел авторитета, человек находился в плену всевозможных соблазнов жизни, его тянуло во власть плоти, и жил он в грехах и безудержном эгоизме. Подвинуть к добру и праведности русского невозможно при помощи светских законов, и потому в рассказах Толстого выстраивается целая парадигма начал очищения: страх утратить Бога в себе, страх перед смертью, страх умереть в грехах, страх перед Богом, муки совести, страх загубить чужую душу, страх забыть Бога и т.д. Ключевым словом парадигмы выступает страх, с которого начинается подготовка к потусторонней жизни. Центральным действием в этой подготовке традиционно (в духе поступков любимого

⁴ Здесь я опираюсь на идеи современного католического теолога проф. Кюнга о трех мировых религиозных потоках: *prophetische, mystische, weisheitliche* религии, а также на его мысль о религиозной причине конфликтов в бывшем Советском Союзе и Югославии. (Выступление 14.06.1993 в Потсдаме на ЮНЕСКО-конференции „*Zusammenleben in Kulturellen Vielfalt*“).

⁵ См.: И. П. Смирнов, *О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории*, „*Wiener slavistischer Almanach*“, Wien 1991, Sonderband 28, с. 194-195.

русскими святого Алексея – человека Божьего) является аскетизм – отказ от „позлащенного пьедестала”, плотских утех, эгоизма и искупление предшествующих грехов.

По Евангелиям, достижение сфер аскетизма возможно в процессе уничтожения (не избежания) трех врагов: мамоны⁶, забот, эгоизма. Борьба с этими врагами и разворачивается во всех народных рассказах и легендах Толстого как иллюстрации не к собственно Евангелиям, а к его Новому Богу. Русская православная церковь, а также литература достигли успехов в воспитании в народе осторожного, дуального отношения к мамоне: с одной стороны, золото может принести добро, если оно попадает в добрые руки; с другой – золото является соблазном дьявола. Второй вариант довольно часто употребляется в древнерусской литературе, и Толстой последовательно, без „но” и „или” признает его. В рассказе *Два брата и золото* один из двух братьев, Иоанн, бежит от золота и тем самым сразу обеспечивает себе расположение ангела. Второй, Афанасий, берет золото, строит приюты для вдов и сирот, больных и увечных, странников и нищих. Остаток же денег оставляет на содержание. От ангела он узнает, что деньги эти от дьявола, а потому его деяния не для Бога, что Богу можно служить только личным трудом. Почти в каждом рассказе Толстого содержится один из вариантов борьбы с мамонной – богатством или чревоугодием.

Но Толстой включает в понятие „мамона” еще одного врага русского человека – алкоголь. В рассказе *Богу или мамоне?* с эпиграфами из Евангелия от Луки: „Никакой слуга не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне” (XVI, 13) и Евангелия от Матфея: „Кто не со мной, тот против Меня; и кто не собирает со Мной, тот расточает” (XII, 30) он квалифицирует русское пьянство как более опасное, чем прелюбодеяние или убийство, поскольку русский человек, по старинному рассказу, совершает в пьяном виде и все остальные преступления. Смысл обеих евангельских цитат полностью выдержан, каждый, по Толстому, „неизбежно должен избрать одно из двух: противодействовать пьянству или содействовать ему, служить Богу или мамоне” (624).

Забота, второй враг, также связана, в понимании Толстого, с первым врагом – земным богатством, и борьба с нею может быть

⁶ По *Этимологическому словарю* М. Фасмера „мамона” имеет два значения (восходит к греч.): ‘богатство, земные сокровища’ и ‘пузо’ (т. 2, с. 566). В. Даль приводит второе значение: ‘брюхо, желудок’ (т. 2, с. 296). Толстой употребляет все значения.

успешной при полном отказе от богатства. В рассказе *Ильяс* Толстой перечисляет, какие заботы несет с собой богатство, и называет преимущества при отказе от него: „И есть, когда поговорить, и о душе подумать, и Богу помолиться” (113). Но реестр забот от богатства в целом носит другой смысл: углубление человека в повседневность, превращение самого себя в раба вещей и мелких дел вместо того, чтобы служить Богу, т.е. ближним.

В конце рассказа, когда мулла говорит: „Это умная речь, и всю точную правду сказал Ильяс, это и в писании написано” (113), писатель называет еще один из элементов человеческого этоса, характерного для ислама и христианства, – терпимость, т.е. возможность единения. Третий враг – эгоизм – должен также бесповоротно побеждаться. Евангельская формула к нему еще более ригористична, чем прежде: „Если же правый глаз твой соблазнит тебя, вырви его и брось от себя... И если правая твоя рука соблазнит тебя, отсеки ее и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну” (Матф., V, 29, 30).

Любимая толстовская формула „Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку” (Лука, V, 29), как преодоление эгоизма, проиллюстрирована в рассказе *Где любовь, там и бог*, герой которой находит смысл жизни в бесконечных благодеяниях окружающим его людям.

Можно бы продолжить рассуждения Евангелии Толстого, но ясно одно: из четырех Евангелий он брал темы и мотивы к *Деревенским рассказам*, не учитывая другие части Нового Завета, обособляя русское сознание от европейского контекста.

Толстой признает как существующие только взаимоисключающие начала: свет – тьма, добро – зло, царство божие – геенна и т.д. Для него не существует переходной стадии, т.е. терпимости к другим точкам зрения на вечное или систему земных ценностей. Это философия „или – или” (*entweder – oder*), характерная для двухклассового русского общества конца XIX столетия – дворянства и крестьян.

Врагам – мамоне, заботе и себялюбию (эгоизму), Толстой противопоставляет любовь и милосердие. Эти чувства приходят в борьбе с тремя врагами, борьба с врагами освобождает в душе человека место для них. Любая жертва оправдана ради любви. Варианты жертвенности во имя любви многочисленны в *Деревенских рассказах* Толстого. Впрочем они усиленно пропагандировались и русской православной церковью на рубеже XIX и XX веков, в частности в сборниках *Райские цветы с русской земли*, *Русские подвижники XIX века*, в журналах „Нива”, „Христианин”, „Кормчий” и др.

Известно, что источниками толстовской интерпретации аскетизма послужили философия Шопенгауера, который выделял в христианстве идею аскетизма, и русская практика отшельничества.

В четырех трудах, посвященных проблеме сопоставления западного и восточного христианства⁷, Харнак выделил те же, что и Толстой, евангелические смыслы отношений земного и вечного. В книге *Сущность христианства* он справедливо отметил, что Толстой с большей последовательностью и художественной силой выделил в Евангелиях аскетические и неземные элементы и требовал подражания им⁸. По его мнению, строгое следование примеру Христа дано только монахам. Харнак утверждал с точки зрения многовекового опыта западной церкви, что призыв отдать все другим никто не принимает на себя, что без чувства заботы человек утрачивает власть над собой и что себялюбие не может быть преодолено окончательно⁹.

Русский аскетизм представляет собой, как известно, своеобразие среди всех пророческих религий. Как аскетизм монашеский – в образе отшельников – он оставался живым явлением вплоть до Октябрьской революции и предполагал очищение души путем тотального отказа от царства материального и плотского и максимального приближения к воротам царства божьего. Толстовский идеал аскетизма – жертва во имя любви к ближнему. Но эта жертва приносится не канонизированным Богом, а новым Богом – Богом в себе и каждым человеком. Харнак отметил отличие двух ветвей христианства в том, что идеалом западноевропейского аскетизма является подчинение „diese Welt der Kirche, d.h. Christus...”¹⁰ и стремление установления царства добра в этой жизни. Аскетизм в жертве учитывался всеми богоскательскими русскими течениями

⁷ *Das Wesen des Christentums* (1900), *Der Geist der morgenländischen Kirche im Unterschied von der abendländischen* (1913), *Die morgenländische und die abendländische Kultur* (1916), *Marcion. Das Evangelium vom fremden Gott* (1923). Все указанные труды содержат ссылки или реминисценции на философию Л. Н. Толстого в его народных рассказах. Первый труд Харнака был переведен в 1902 г. на русский язык и дискутировался в русской печати. Харнак был хорошо известен Толстому с 1895 года и кругу Толстого (см.: *Полное (юбилейное) собрание сочинений*, т. 68, с. 282-283; т. 72, с. 538-540; т. 73, с. 283). О встрече Толстого и Харнака в 1908 г. коротко упоминает Маковичкий.

⁸ А. von Harnack, *Das Wesen des Christentums*, Stuttgart 1950, с. 48. Харнак, далекий от критики Толстого, которого он высоко ценил как Учителя русского народа, – пытался установить различия между современным восточным и западным христианством.

⁹ Там же, с. 53.

¹⁰ А. von Harnack, *Kleine Schriften...*, с. 211. В свою очередь данное сопоставление вызвало сравнение важнейшей сферы жизни: отношения между государством и церковью.

ми: Горьким, Луначарским, большевистской ортодоксией. Последняя трансформировала первичное понимание аскетизма: он оказался подчиненным не религиозным, а государственным интересам. Русский человек жил последние десятилетия, отказываясь от земных благ в жертве не во имя приближения к вратам царства божьего, а во имя будущих материальных благ, т.е. тавтологический отказ от материального во имя же материального. Вспомним идеологию коммунального жилья, солдатской казармы, советского патриотизма, отсутствие страха к смерти.

Как подвигнуть русского к добру? Напомню, что в данных назидательных произведениях Толстого высшим судом для человека является не земной (его не боятся ни разбойник, ни безропотный селянин), а только высший суд (вспомним отчаянное у Лермонтова: Но есть и божий суд, наперсники разврата! ... Он недоступен звону злата...), который способен подвигнуть русского человека к совершенствованию. Это церковь и народ, народное сознание и законы вечно были ближе друг другу в системе русской государственности. Несмотря на великий раскол в XVII веке и появление многочисленных сект в конце XIX века, даже начинающееся рабочее движение, воспитанные церковью благоговение перед вечностью, готовность к самопожертвованию, чувство сострадания, любви к ближнему казались неколебимыми.

Высший суд и смысл жизни объединяются в необходимости совершения поступков, русский человек Толстого черпает силы для земного в неземных идеях, он не должен ожидать в этом царстве ответных дел за свои благодеяния (Авдеч из рассказа *Где любовь, там бог*, Елисей из рассказа *Два старика* и др.). Безграничное доверие к Богу, к содержанию Евангелий, искренние братские чувства и др. связаны и с чувствами, которые Харнак и некоторые западноевропейские мыслители считали исключительно принадлежностью восточной ветви христианства: смирение и покорность. Действительно, *Деревенские рассказы* Толстого дают достаточно тому свидетельств: в рассказе *Свечка с эпитафией* „Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему” – зло приказчика побеждается не угрозой его убийства, а безропотным исполнением бесчеловечных приказов и смиренным обращением к Богу.

Своеобразие русского мышления в сравнении с западноевропейским, по справедливой оценке Харнака в *Сущности христианства* и в последующих трудах, не в аскетизме или сплавлении народа и церкви – это есть и на Западе – а в противоречиях, возникающих при этом в треугольнике: государство, народ, церковь. Тотальная зависимость русской церкви от государства, превращение ее в церковь государственную привели Толстого к церковному

нигилизму и анархизму, объявившему непримиримую борьбу церкви, государству и обществу¹¹.

Выше я подчеркивал, что Толстой обращался к русскому крестьянину, считая его основным носителем культуры России. Для Харнака это оказалось непримлемым: культура, по его мнению, имеет задачу решать земные дела, носителем культуры должен быть общий человек нации, представляющий различные сословия, и прежде всего среднее, которое в России отсутствует¹².

Новое религиозное мировоззрение Толстого вызвало по крайней мере две большие проблемы для западных и восточных теологов: переоценка Ветхого Завета с точки зрения наличия в нем канонической авторитарности и новое понимание сущности веры. На эти и другие вопросы Харнак ответил в книге *Marcion. Das Evangelium vom fremden Gott*, где вернулся к проблеме Толстого и русской церкви. Сродство Толстого с древнегреческим аскетом в двух аспектах: свержение с пьедесталов ложных богов и поиски нового Бога, и построение общества справедливости для всех униженных и оскорбленных. И Маркион и Толстой воспротивились против того Бога, которого предлагала церковь народу и которого большинство признало своим, они оба признавали власть любви как высшее проявление божественности в новом обществе без чужого Бога, ложной культуры и ложной справедливости¹³. Но, обновляя Бога и совершенствуя русского человека, Толстой (так же и Харнак) имел перед собой аналогичные связи. Последующее поколение богоскателей отказалось от аналогий диахронных и синхронных. А. Луначарский, знакомый с книгами Харнака *Сущность христианства* и *Марцион*¹⁴, в типичном для него стиле разделения „наш” – „не наш” называет Харнака „великим историком религий”, но без марксизма находит в нем „пороки”¹⁵. При встрече в Берлине в 1926 году Харнак спрашивал, наблюдается ли в России реформация русской церкви, и поинтересовался распростране-

¹¹ Эту тему А. фон Харнак проанализировал обстоятельно в: *Der Geist der morgenländischen Kirche...*, с. 174-175.

¹² A. von H a g n a s k, *Die morgenländische und die abendländische Kultur...*, с. 33.

¹³ А. фон Харнак считал не только Толстого, но и Горького маркинистическим Христом, особенно пьесу последнего *На дне*. (См.: А. von H a g n a s k, *Marcion...*, ук. соч., с. 232).

¹⁴ В статье 1910 г. *Поэт католицизма* он упоминает книгу *Сущность христианства*, а в *Письмах с Запада* – книгу *Марцион* (здесь же дается высокая оценка Харнаку как типу немецкого ученого: „любопытность, живость ума и изумительная, не поддающаяся старости, трудоспособность”). В: А. В. Луначарский, *Собрание сочинений в восьми томах*, т. IV, Москва 1964, с. 376.

¹⁵ Там же, с. 375.

нием сектантства. Луначарский ответил на эти вопросы пересказом содержания резолюции XIII съезда партии большевиков¹⁶.

В заключение необходимо сказать, что на вопрос, где проходит граница между Востоком и Западом, Харнак ответил в 1913 г.: „Auf der Balkaninsel wird zur Zeit an einer neuen Grenzlinie gearbeitet. Sie wird die zukünftige Grenze zwischen Abendland und Morgenland sein“¹⁷.

Вывод Харнака 80-десятилетней давности оказался актуален. Вопросы культурных границ приобрели исключительную важность для большинства стран центральной и восточной Европы.

---

¹⁶ В резолюции говорилось о поддержке сектантства и о том, „чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работы просвещения“. В: *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*, часть 11, Москва 1954, с. 53.

¹⁷ A. von Harnack, *Der Geist der morgenländischen Kirche...*, с. 182.